

Письма из-за границы

П. В. Анненков. Парижские письма
Серия "Литературные памятники"
Издание подготовила И. Н. Конобеевская
М., "Наука", 1983
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Гамбург. 12-го ноября 1840 года.

В три часа ночи снялись мы с якоря, отъехали восемь верст или немецкую милю и остановились: нас захватил туман и прикрыл словно матовым, стеклянным колпаком. Целое воскресенье простояли мы на якоре; кругом какая-то белесоватая мгла, и точно зашили нас в мешок и кинули в море, как неверную ханым. Мы начинали приходить уже в отчаяние и, как матросы Христофора Колумба, в безумном ропоте хотели посягнуть на особу капитана Босса, который в огромных медвежьих сапогах, с сигаркой во рту, стоял почти весь день у компаса, как вдруг в понедельник, часа в два утра, приятное колыхание в моем гробике возвестило мне, что мы тронулись. Я выбежал на палубу: море было тихо, да ненадолго. Со вторника на среду в ночь ветер начал крепчать, крепчать, пароход заскрипел, стал качаться из стороны в сторону, а с ним вместе и мой мозг, и вся моя внутренность. Почти на корточках притаился я к трубе; там уже лежал К<атков>¹, и мы, упираясь головами, пролежали так до глубокой ночи, не говоря, не думая, а следовательно, и не кушая... Гнусное положение! А между тем пароход то подымался, то уходил в волны: несколько раз белоголовая волна, как тень Сумбеки (в балете того же имени)², вырастала перед нами и, опрокидываясь, обливала пеной палубу и нас: однакож чистоплотный капитан Босс на этот случай поставил матроса с метлою и велел сгонять без пощады всякую потаскушку такого рода. Наконец, в четверг прояснилось, утихло, успокоилось, и в 8 часов мы прибыли в Травемюнде³.

Прежде, чем стану описывать впечатление, произведенное на меня первым местечком Германии, скажу, что в ночь с среды на четверг я очнулся по случаю уменьшившейся качки, осмотрелся кругом и вдали увидел яркую, огненную точку. Самым скверным немецким языком, какой только может существовать, спросил я у матроса: "Что это за маяк?" -- "Es ist {Это (нем.)}, -- отвечал он мне, -- шведский остров Борнгольм". Не поверите, как живо представилась мне комната, в которой читал я, сидя за столом, измаванным чернилами и изрезанным перочинными ножичками, длинную книгу под заглавием "Сочинения Карамзина". Я тут все вспомнил, до последней подробности: и девушку, и страдальца, и стихи, и фразу: "Я стоял на палубе, прислонясь к мачте; слеза катилась по щеке -- ветер снес ее в море", и все, все... Мне еще кажется до сих пор обманом со стороны географии и истории, утверждающих, будто Борнгольм принадлежит какой-то другой стороне, а не России. Ну, да это в сторону!.. Травемюнде! Травемюнде! Захватив чемоданы, бросились мы на берег. Я смотрел, вытаращив глаза, на эти домики, прижавшиеся друг к другу так плотно, как стадо оленей в Сибири, захваченное сорокаградусным морозом, и вытянувшиеся, как пиявка, из которой выжимают кровь. Несмотря на глухую ночь и позднее время, мы пошли осматривать местечко в сопровождении одного немца и одного француза, наших товарищей по пароходу. В 12 часов были мы уже на ночлеге в Hotel de Russie, но заснули только в 2, болтая обо всех вас⁵. В 7 часов утра стоял уже у крыльца шульваген {Шульваген (от нем. Stulnwagen) -- общественный экипаж.} с почтальоном в фуражке с красным околышем, с красными и белыми снурками по синему мундиру и рожком. Мы сели и покатались в Любек. Тут проехали мы мимо часового из милиции... Что за пышная фигура! Я по глазам и по всему выражению лица узнал тотчас, что он отец многочисленного семейства и еще три четверти ночи провел в объятиях доброй своей женушки, под двумя пуховиками. Вообразите маленькое существо с кривыми ногами, которые так не привыкли к узким панталонам, что непременно должны ныть и тосковать; маленький, сплюснутый кивер на огромной